

ИЗЪ ГАРЕМНОЙ ЖИЗНИ.

НЕПОКОРНАЯ.

(Очеркъ первый).

ВЕСЬ гаремъ крымскаго хана Магомета Гирея
былъ въ волненіи.

Молодого хана не тѣшили его жены... Сладострастные напѣвы ихъ опротивѣли ему.

Любимая его жена — „звѣзда его очей“ — Зюлейка погасла и разонравилась ему...

Свѣтъ ея очей заслонила новая — полонянка - казачка, только-что вчера привезенная вернувшимся съ набѣговъ на гяурскія земли его вѣрнымъ слугою и товарищемъ — Абрекомъ...

Какъ тигрица, защищала она себя, застигнутая врасплохъ татарами во время прогулки по лѣсу... Двухъ правовѣрныхъ отправила она въ Магометовъ

рай... Ее бы растерзали, но необыкновенная красота спасла ее...

Казачку бережно доставили предъ ясныя очи хана.

Самъ великій Абрекъ ухаживалъ за ней.

Но, очевидно, на горе послать Аллахъ проклятую гяурку...

Всѣхъ околдовала ея необыкновенная красота.

Когда привели ее въ самую лучшую комнату дворца и развязали по приказанію хана, то, какъ дикій звѣрь, набросилась она на ханскую свиту и стала потрясать окровавленнымъ кинжаломъ, которымъ уже убила при своемъ плѣненіи двухъ храбрецовъ...

Всесильный Аллахъ ослѣпилъ красотой казачки вѣрныхъ ханскихъ слугъ: они забыли ее обезоружить...

Теперь уже было поздно... Она грозила убить всякаго, кто осмѣлится къ ней подойти. И что самое ужасное: она сказала, что обезобразить себя, свое прекрасное тѣло...

— Отпустите меня! — кричала она. — Вы все равно ничего не добьетесь отъ меня. А если добьетесь, то развѣ только моей смерти. Отпустите меня, я дамъ за себя богатый выкупъ. Мой женихъ озолотитъ васъ...

Безумная! Она говоритъ: озолотить, и кого же? могущественнаго изъ земныхъ владыкъ — крымскаго хана Магомета Гирея!

Безумная! Она думаетъ, что они простили бы ей смерть двухъ знатныхъ татаръ, если бы не желали ея красотой угодить великому повелителю и усладить его досуги...

Безумная! Она хочетъ побѣдить своимъ горемъ, своимъ отчаяніемъ сердце тѣхъ, у которыхъ его гнѣтъ, и у которыхъ оно не сжимается и не бьется.

Молодой ханъ, очарованный ея красотой, дрожитъ отъ страстнаго желанія, созерцая казачку въ потаенное окно.

Онъ шлетъ къ ней всѣхъ мудрецовъ, всѣхъ волхвовъ своей страны...

Они убѣждаютъ ее, уговариваютъ ее, нашептываютъ ей свои волшебныя рѣчи, но казачка смѣется надъ ними: чары ихъ не властны надъ ней!...

Она не смиряется и прокликаетъ полонившихъ ее разбойниковъ - татаръ, прокликаетъ всю блестящую свиту, прокликаетъ ихъ повелителя...

Внѣ себя отъ ужаса и страха выбѣгаютъ правовѣрные, слыша проклятія нечистой гяурки своему повелителю...

Уже солнце садится...

Уже скоро муэдзинъ взойдетъ на минареть...

Уже скоро сонъ и блаженство обоймутъ уставшую землю...

Но все такъ же неприступна красавица-полонянка, и все такъ же, не сводя съ нея глазъ, стоитъ у потаеннаго окна молодой ханъ.

Грудь его порывисто дышетъ... Молодая кровь бунтуетъ во всѣхъ жилахъ.

Далѣе онъ не можетъ сдерживать своихъ желаній...

Повелитель созываетъ самыхъ красивыхъ женъ и входитъ къ неприступной полонянкѣ...

Онъ приказываетъ, чтобы умиловить плѣнницу, гордымъ женамъ кланяться ей до земли и уходить прочь...

Но попрежнему неприступна полонянка.

Въ глазахъ ея блистаетъ мрачный огонь и сжигаетъ сердце хана...

Ханъ наливаетъ изъ драгоценнаго сосуда волшебный напитокъ и самъ, съ тихой улыбкой, подноситъ его къ устамъ плѣнницы...

Она пристально глядитъ на молодого, красиваго юношу и нерѣшительно отстраняетъ кубокъ...

Даже ей, гордой, оскорбленной, нравится униженіе и любовь грознаго повелителя.

Но ханъ объясняетъ ея нерѣшительность другимъ...

— Ты боишься, что это отрава! О, гяурка! — восклицаетъ страстно онъ. — Смотри!

Ханъ залпомъ выпиваетъ кубокъ и вновь наливаетъ его и подноситъ къ устамъ полонянки и шепчетъ:

— О, звѣзда моихъ очей! Выпей вино Магомета и ты полюбишь меня... Ты видишь, какъ я молодъ!.. Ни одна женщина не сопротивлялась мнѣ еще до тебя, гяурка! Неужели я хуже твоего жениха?..

— О, звѣзда моихъ очей! Нѣтъ могущественнѣе хана Магомета Гирея. Полюби меня и проси, чего хочешь. Вся вселенная будетъ служить тебѣ. Желаетъ, и я прикажу отрубить головы у всѣхъ моихъ женъ и бросить къ твоимъ ногамъ...

— О, звѣзда моихъ очей! Посмотри на меня покорно и ласково, какъ лань, или поразн меня твоимъ кинжаломъ прямо въ сердце. Хочешь: — я самъ убью себя и пусть завтра правовѣрные растерзаютъ тебя за это. Только мертвый я не въ силахъ защищать тебя...

— О, звѣзда моихъ очей! Выпей вино Магомета и ты полюбишь меня...

Полоянка ласково посмотрѣла на хана: любовь молодого, красиваго, могущественнаго владыки начала трогать ее; она залпомъ выпила изъ кубка...

Скоро непобѣдимая нѣга охватила, какъ огнемъ, ея молодое, дѣвственное тѣло, но сознание все-таки не покидало ее.

— Если ты меня любишь, — сказала она хану, — то отпусти меня на родину.

— О, звѣзда моихъ очей! — отвѣчалъ юноша. — Какъ я отпущу тебя, когда я не могу безъ тебя жить. Но любовь все превозмогаетъ, такъ говорили мои праведные предки. Хорошо, я завтра, если ты сама захочешь меня обречь на смертельную разлуку, отпущу тебя, но до зари ты будешь моей.

И юноша привлекъ положанку къ себѣ...

Она опомнилась и вѣ себя схватилась за кинжалъ, но, посмотрѣвъ въ окна и увидѣвъ ясное, голубое небо, она вспомнила про свою родину, родныхъ, подругъ, жениха и вообще про все, что ей сулила свобода.

Ханъ снова привлекъ полонянку къ себѣ...

Она не сопротивлялась...

И молодой ханъ шепталъ ей страстно въ забвеньи:

— О, звѣзда моихъ очей! Завтра, едва только солнце начнетъ ласкать своими лучами землю, какъ ты, если захочешь, будешь свободна.

.

Казачка захотѣла свободы.

Пока ханъ снаряжалъ ее на родину, она вышла, качаясь, какъ пьяная отъ усталости, въ роскошный садъ грознаго повелителя правовѣрныхъ.

Въ саду никого не было.

Плѣнница сразу почувствовала, что она не хочетъ жить, не хочетъ опозоренной возвращаться на родину.

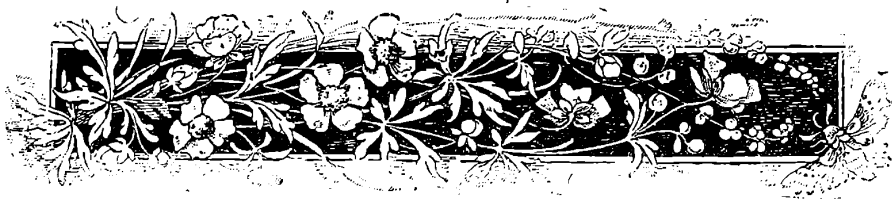
На родинѣ всѣ говорятъ и говорятъ не даромъ: лучше смерть, чѣмъ позоръ...

Женихъ ей никогда не проститъ объятій хана.

Полонянка подошла къ блестящему, еще спящему озеру, сорвала съ себя рубашку и положила въ нее большой камень.

Оборвавъ нѣсколько нитокъ своихъ великолѣпныхъ бусъ, она привязала къ шен рубашку съ камнемъ и бросилась въ озеро.

Казачка захотѣла свободы...

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ БЕЗУМЦЕМЪ.

(Разсказъ.)

ОДНО горе, да, горе заставило меня покумиться съ „карманоллизаторомъ“. Мнѣ было двадцать съ небольшимъ лѣтъ, когда я первый разъ совершилъ путешествіе въ прѣсенскія, потомъ и ходынскія Палестины. Несмотря на такой мальчишескій возрастъ, я былъ старикъ, конечно—въ душѣ, а въ тѣлѣ, ну, что про это говорить: всякій знаетъ, что находится въ тѣлѣ двадцатипятилѣтняго юноши!

Вотъ это-то *нѣчто*, находящееся въ моемъ тѣлѣ, и мѣшало мнѣ быть солиднымъ человѣкомъ.

Блондинки, шатенки, брюнетки, словомъ весь міръ такъ и кружился предо мною. Эту слабость къ слабому полу, простите за неудачный каламбуръ, я старался ото всѣхъ скрывать, но шила въ мѣшкѣ не утаишь: всѣ считали меня страшнымъ женолюбомъ! На почвѣ женскаго вопроса произошло мое знаком-

ство съ пѣконимъ Пустилицымъ. Постоянное совмѣстное разрѣшеніе „этого вопроса“ пасъ очень сблизило, и скоро я сталъ дѣлиться всѣми своими убѣжденіями съ Пустилицымъ, которыя, къ сожалѣнію, были увѣковѣчены мною на бумагѣ, да еще на какой: на вексельной! А переносить туда свои мысли и въ особенности убѣжденія, не долженствующія, какъ говоритъ одна старинная пословица, быть довѣряемыми даже подушкамъ, крайне не осторожно и даже глупо. Но, что съ возу упало, то пропало. Я поручился письменно за своего пріятеля, и онъ, какъ водится, „попріятельски“ меня падулъ и улетѣлъ неизвѣстно куда изъ Москвы. Настали судные дни. Вся моя богатая обстановка была продана, и даже на мой „трудъ“ былъ наложенъ арестъ. Положеніе мое было хуже губернаторскаго. „Весь міръ“, увидѣвъ меня полунимымъ, отлетѣлъ, да, по совѣсти говоря, я, какъ положительный буржуа, „въ дни бѣдствій и тревогъ“, женскимъ вопросомъ и не могъ со вкусомъ интересоваться. А гдѣ нѣтъ смака, тамъ, стало-быть, нѣтъ ничего... Особенно меня безпокоилъ арестъ, паложженный на мой грядущій трудъ, т.-е. жалованье. Мои сослуживцы были крайне этимъ событіемъ заинтересованы: вдругъ я, извѣстный всѣмъ своимъ тихимъ поведеніемъ, и — попалъ. Наконецъ мнѣ надоѣло держать свой свободный трудъ подъ арестомъ исполнительнаго листа и я рѣшилъ совсѣмъ не трудиться. Скоро къ числу утапывателей москов-

скихъ мостовыхъ присоединился еще одинъ, этотъ одинъ — былъ я. Сначала мнѣ было грустно. Мое женолюбіе вездѣ встрѣчало пищу, и какъ я не былъ разстроенъ, но все же мое разстройство обратилось теперь въ привычку, и старая „слабость“ стала меня замѣтно тревожить. Но тревога моя была снова смягчена. Человѣкъ, какъ извѣстно, очень плохо устроенъ: желаетъ кушать, а утрамбовываніе мостовыхъ ничего, кромѣ мозолей, не дастъ. Съ каждымъ днемъ мои ресурсы шли на убыль и мнѣ грозилъ плохой конецъ. Я написалъ родителямъ покаянное письмо и, немного погодя, получилъ отвѣтъ; въ немъ находились наставленія и больше ничего. А изъ нихъ шубы не сошьешь. Послѣ долгой борьбы самолюбія съ желудкомъ, я отправился къ одному хорошему знакомому, отецъ котораго стоялъ во главѣ извѣстнаго банка. Знакомый меня принялъ очень привѣтливо, познакомилъ съ отцомъ, который очень усердно сталъ меня кормить „завтраками“, а службы все-таки не давалъ. Пришлось познакомиться съ благотѣльнымъ городскимъ учрежденіемъ: съ ломбардомъ. Черезъ педѣлю было *сѣждено* все, не исключая и золотой рамки, заключавшей ликъ моей послѣдней пассіи. Что дѣлать, какъ быть? Поплелся къ своему бывшему сослуживцу, очень богатому человѣку. Было, какъ сейчасъ помню, воскресенье. Вхожу. Сослуживецъ — въ передней, собирается куда-то ѣхать. Боязнь остаться безъ коней заста-

вила меня обратиться съ просьбой съ мѣста въ карьеръ.

— Съ удовольствіемъ, — сказалъ мой знакомый, — я исполню вашу просьбу. Вотъ просимые вами двадцать рублей.

И онъ вручилъ мнѣ четыре золотыхъ.

— Я очень радъ, — продолжалъ онъ, — что вы обратились ко мнѣ передъ бѣгамъ. Я увѣренъ, что судьбу нужно умиловать добрыми дѣлами. Я сегодня много выиграю. У меня такая примѣта.

Когда мы разстались, въ моемъ мозгу моментально созрѣла мысль: а не поѣхать ли и мнѣ на бѣга — двадцать рублей мнѣ не помогутъ, а если помогутъ, такъ не надолго! Лучше пушу ихъ въ оборотъ.

Я никогда прежде не былъ на бѣгахъ въ Россіи, но съ дѣятельностью тотализатора слегка познакомился въ Парижѣ. Одна амурная „исторія“ была моей просвѣтительницей по этой части. Слѣдовательно, „игра въ лошадки“ мнѣ была знакома.

Я нанялъ извозчика, купилъ афишу и отправился.

Морозъ былъ солидный, а я одѣтъ былъ очень плохо. Чуть живымъ я доѣхалъ до Прѣсенскаго пруда.

Бѣга были въ полномъ разгарѣ... Я выбралъ самый „многолошадный“ заѣздъ — гандикапъ и, какъ учила меня французская тотошница, надѣлалъ столько